Текст · 11 ноября 2024, 07:59
Саша Граф,

«Колония вообще вся там в крови». Бывшие узницы ИК-2 в Мордовии рассказывают подкасту «Женский срок» о систематических пытках

Подкаст «Женский срок» связался с одиннадцатью женщинами, которые освободились из ИК-2 в мордовском поселке Явас. Из их рассказов следует, что пытки в этой колонии — ежедневная практика. Бывшие заключенные вспоминают про избиения, изнасилования и доведение до самоубийства. Некоторые отказались говорить под запись, кратко объяснив, что боятся преследования, другие согласились, но на условиях анонимности. В подкасте звучат голоса четырех женщин, их имена изменены. «Медиазона» публикует текстовую версию выпуска, послушать его можно здесь.

В ноябре 2023 года заключенная мордовской исправительной колонии № 2 в поселке Явас Мария Украинец смогла передать на волю записку, в которой описывала, как ее избивал начальник колонии. Чтобы остановить насилие, она вскрыла себе вены в ШИЗО.

«Скорую не вызвали. Только сказали — сдохнешь здесь. Я вскрылась сильно три раза, выключали камеры, я без сознания валялась в своей крови. Помогите», — так заканчивалась записка Украинец.

Что сейчас происходит с заключенной и в каком она состоянии, никто не знает: Украинец не отвечает на письма, а ее адвоката трижды не допустили в колонию.

В этом тексте «Женский срок» постарался собрать максимум свидетельств о происходящем в ИК-2, чтобы понять, в каких условиях была написана записка Марии Украинец. Героини подкаста (некоторые из них видели Марию в колонии), рассказали, кто стоит за насилием, как часто с ним сталкиваются осужденные и на какие жертвы идут женщины, чтобы передать информацию о пытках на волю.

«Бьют деревянными палками, в основном по ногам, по почкам». Приветственные пытки

Лилию отправили в Явас в 2017 году, она была «первоходом» — ехала отбывать свой первый срок в колонии. Она рассказывает, что в тот момент не представляла, что ее ждет, и не понимала, почему этап в Мордовию другие осужденные и сотрудники СИЗО воспринимали как «билет в один конец».

«Когда нас привезли на тюрьму в Рязань, нас принимали сотрудницы, такие женщины были приветливые. Все спрашивают: "Девчонки, а куда, говорят, вы едете? Куда этап?". И мы говорим: "В Мордовию". И так посмотрели — знаете, все, в последний раз... Люди по дороге, мальчишки, пацаны, которые с нами ехали, когда узнавали, что мы едем на Мордовию, практически с нами прощались. Но

я тогда еще ехала и особо ничего не понимала. Мы пытались друг друга подбодрить, что мы ничего не боимся, все будет хорошо, все преодолеем, все вернемся обратно живые и здоровые».

После этапа в поезде женщин снова пересаживают в конвойный автозак, в нем их везут в колонию. Ирину привезли в ИК-2 в 2012 году. Она рассказывает, что при выходе из автозака новоприбывших встретила надпись «Добро пожаловать в ад».

«Когда нас привезли, на воротах ИК-2, вот на шлюзе, куда заходит машина, была надпись. Я не помню сейчас, то ли краской, то ли чем-то таким. Короче, "Добро пожаловать в ад". Была такая. И все сотрудницы, которые встречали наш автозак, все сказали: "Обратите внимание, куда вы попали. Вы не в сказку попали. Вы попали именно в то место, что написано на этих воротах"».

По сравнению с другими женскими колониями о насилии в ИК-2 известно довольно много. Например, в 2014 году, десять лет назад, трое женщин подробно рассказали журналистке и правозащитнице Зое Световой, каковы порядки в Явасе. Среди прочего, они говорили о случаях суицида среди заключенных, которые вскрывали вены или вешались. По словам бывших заключенных, в то время начальник колонии Сергей Поршин, услышав о попытках суицида, отвечал: «Вешайтесь кто хотите, мне все равно».

В 2014 году посетившая Явас Надежда Толоконникова писала, что у начальницы оперативной службы ИК-2 Натальи Максимовой

> «есть плетка с металлическим набалдашником, которой она бьет женщин, не отшивших положенные 250 полицейских костюмов в день». В ИК-2 содержали американскую баскетболистку Бриттни Грайнер, которую затем обменяли на торговца оружием Виктора Бута. Туда же после приговора этапировали осужденную по делу об убийстве «военкора» Татарского Дарью Трепову.

В 2014 году Татьяна Гаврилова вышла на свободу из ИК-2 и дала интервью «Медиазоне», в котором подробно описала насилие, царящее в колонии. *Guardian* перевела ее рассказ на английский.

О пытках в ИК-2 также говорила Ульяна Хмелева, большое интервью с ней вышло на «Медиазоне» спустя пять лет после Гавриловой, в 2019 году. Хмелева сидела в соседних ИК-13 и ИК-14, но в местной больнице она видела женщин, которых привозили из ИК-2. Она вспоминала, что кому-то из них сломали ключицу, другой «разбили пятку», приезжали со сломанными ногами, носовыми перегородками. Хмелева также рассказала, что в день привоза оперативные сотрудники заставляли пострадавших женщин писать в причинах полученных травм: «Упала сама», «Получила травму сама». Но другим заключенным женщины рассказывали, что их избивают активисты и сотрудники ИК-2.

Нина Межуева в интервью «*Idel.*Реалии» рассказала-, что попала в Явас в 2009 году 3 апреля, в свой день рождения. Ее встретили «дубиналом». Это местное название пытки, суть которой заключается в следующем: заключенная должна по очереди

заходить в разные кабинеты администрации, и в каждом из этих кабинетов ее избивают. Слово «дубинал» упоминали все героини, с которыми поговорил «Женский срок».

> Слово «дубинал» использовала в интервью «Медиазоне» и отбывавшая срок в ИК-2 в 2008–2010 годах Сильвия Пулбере. Вот что она рассказывала о побоях в колонии: «В штабе вообще всякие вещи происходили. Самые активные, те, кого не устраивало жесткое с ними обращение, "приглашались" туда. И начиналось: "Лицом к стене, руки поднимай, юбку поднимай!". А потом начинался дубинал. У начальницы отдела безопасности М. дубинка не обычная, как у ментов, она если один раз ударит, там уже можно сознание потерять. Один раз она меня побила, когда я отказалась быть дневальной в комнате свиданий… и попа синяя!».

Вот как описывает «дубинал» одна из них, Ирина.

«Сотрудники проходят по всем кабинетам и в каждом кабинете избивают осужденных женщин. Кого-то заставляют работать на них, стучать. Если ты отказываешься, то причиняют пытки, бьют головой об стену, ну, в общем, не стесняются. Бьют деревянными палками, в основном по ногам, по почкам. Именно меня так избивали. В кабинете у Поршина. Там были еще сотрудницы и сотрудники».

Нина Межуева в своем интервью говорила, что во время пыток Вячеслав Кимяев, в то время начальник отдела безопасности ИК-2, заставлял ее

становиться на колени и просить прощения за конфликт с администрацией. Нина отказалась, после чего Кимяев, по ее словам, начал бить женщину кулаками по голове.

Дарью, еще одну бывшую заключенную, с которой поговорил «Женский срок», привезли в Явас почти в то же время, что и Нину Межуеву, в 2007 году. Она подтвердила, что в «приветственных» пытках тогда участвовал не только Сергей Поршин, но и Вячеслав Кимяев.

«Как встретили — ну, избивали меня. В один день на меня трижды наседали. В кабинете у Кимяева, затем сотрудники тоже метелили, когда пришли ему на помощь в этот кабинет. Хотя помогать нужно было мне, а не ему. На тот момент начальник колонии Поршин Сергей Васильевич тоже распускал свои руки. Шли годы, я смотрела, как встречали. Они только из машины вышли, и им сразу дают все понять: "Вы, сучки, куда вы приехали?". В общем, бывало, и что в морду заедут сразу, кто не понравится, значит, в штаб — там "дубиналом" отделают».

Мария Украинец, передавшая из ИК-2 записку о пытках ровно год назад, в ноябре 2023-го, писала, что ее бил «начальник». Сейчас эту должность в колонии занимает тот самый Вячеслав Кимяев, который сменил Сергея Поршина.

Иллюстрация: Mila Grabowski / Медиазона

«Били до такой степени, что некоторые девочки даже писались под себя». Будничные пытки на производстве

В 2021 году заключенная Анна Гайдукова попросила помощи у священника Сергея Троценко, который регулярно навещал ИК-2. Она говорила, что ей нужен адвокат, который сможет прекратить издевательства администрации. Защитнику удалось встретиться с Анной в больнице, которая находится рядом с колонией. Заключенная рассказала о рабском труде и избиениях. В скором времени Троценко начали под разными предлогами отказывать в посещении заключенных. В 2024 году он окончательно лишился[I] доступа в колонию.

Вся жизнь в ИК-2 построена вокруг швейного производства. Лилия рассказывает, что в конце каждой рабочей недели заключенных выстраивали в ряд и называли фамилии «неуспевающих». Их отправляли в ШИЗО. При этом остальным приходилось работать еще больше, потому что норма выработки никак не связана с числом рабочих рук.

Еще одна героиня «Женского срока» Алена рассказала о пытках и издевательствах на швейном производстве, в том числе со стороны Дмитрия Кулешова — это бывший заместитель начальника колонии.

> «Кого-то Кулешов Дмитрий Евгеньевич пинал ногами и руками, кого-то сотрудницы администрации били дубинками, с кого-то просто снимали обувь и заставляли идти босиком либо

просто настраивали бугров[2]. Их собиралось человек четырнадцать. Они запрыгивали на ленту (лента — это столы швейные), шли по этой ленте толпой и били всех подряд палками, что были в руках. Били до такой степени, что некоторые девочки даже писались под себя».

Бывшие заключенные рассказывают, что их не отпускали в туалет, чтобы они не тратили «лишнее время». Рабочая смена в колонии начинается в восемь утра, в 12:00 осужденных выводят на обед, во время обеда выходить в туалет запрещено. Алена и другие собеседницы «Женского срока» объясняют, как женщинам в ИК-2 удавалось приспосабливаться к таким условиям: они ставили ведро в маленькой комнате, где хранится продукция швейного производства, и по очереди ходили туда. Кто-то ставил банки или ковшики прямо под лентой; когда ведро или банки переполнялись, их выливали в раковину или в окно.

В пытках участвуют рядовые сотрудницы ФСИН и заключенные-активистки, которые сотрудничают с администрацией. Женщин избивают не только руками или ногами, но и любыми предметами, которые можно найти на швейном производстве. Алена рассказывает, как наказывали в ИК-2 за потерю ножниц.

«Была такая девочка цыганской национальности, ее все называли Андрюша, она была ответственная за ножницы, выдавала в начале смены ножницы и после смены собирала. Кому-то где-то она перешла дорогу, у нее украли ножницы. Когда у человека пропадали ножницы, это было великой трагедией, потому что

люди знают, что за это бывает. Эту Андрюшу мастер цеха с бригадиром завели в цех. Сначала они били девочку железным ящиком по голове, заставляли ее ползать на четвереньках, как собаку, по цеху, искать ножницы в ковриках, при этом шли сзади и пинали по спине, по ногам, ну, куда придется, таскали за волосы, били головой в ленту. Ножницы так и не нашлись, а она пришла в отряд, села в коридоре и потеряла сознание, мы вынесли ее на одеяле в санчасть».

Лилия говорит, что в насилии участвовали не только рядовые сотрудницы ФСИН, но и заместитель начальника Дмитрий Кулешов.

«Кулешов Дмитрий Евгеньевич — это, я не знаю, как назвать, садист. На него страшно смотреть, страшно с ним встречаться глазами. Он настолько, мне кажется, невменяемый, психически нездоровый человек... Что он там устраивал, это одному богу известно, как он издевался над людьми. Меня по приезде посадили шить. Я не умею. Естественно, сразу началось таскание к Кулешову. Вечером после работы бригадир берет тех, кто не успевает, и ведет к Кулешову. Он говорил: "Так, наказаны все. Идете копать запретку[3]". А девчонки в другой бригаде, они уже давно отшились. Ну, наказываете меня одну? Нет, наказание коллективное. Я больше всего тогда испугалась, что мне сейчас просто лицо лопатой разрежут. А в это время стояла на крыльце дежурной части вся дежурная смена и просто смеялась. Им было очень весело. Никто не пытался их остановить. Слава богу, все-таки они остановились сами».

Норму выработки на производстве администрация устанавливает произвольно: заключенные должны

отшивать столько продукции, сколько им скажут — и неважно, какой ценой.

Ирина несколько раз прошивала себе пальцы иглой швейной машинки — такое происходит, когда женщины засыпают за работой, оставляя ногу на педали. Иглу, которая прошла сквозь ноготь, из пальца Ирины грязными плоскогубцами вытаскивала бригадир.

Лилия рассказала, что одной из принятых в ИК-2 форм пыток было помещение в «клетку»: женщин оставляли ночевать на полу в кладовке для хранения инструментов. По описанию Лилии, это помещение два на два метра, дверь которого заменили на решетку. Лилия говорит, что при ней неуспевающую на производстве осужденную несколько дней подряд заставляли спать в «клетке»: она работала наравне со всеми, но спать после смены шла не на кровать в отряде, а в клетку. Но сотрудникам колонии и это казалось «недостаточным наказанием», продолжает Лилия.

«Она в этой клетке сидела. Просит у дежурной смены вывести ее в туалет. Нет, не пойдешь. Нет, потерпи. А человек хочет в туалет. Сколько можно терпеть? Пришли ее кормить. Тарелку дали, она в эту тарелку сходила в туалет. И вы знаете, что они сделали после того, как ее из этой клетки выпустили? Тарелку эту подписали. И когда мы приходили на обед, завтрак, ужин, в эту подписанную тарелку клали ей еду и ставили ей эту тарелку, чтоб она с нее ела. Естественно, человек не ел день, два, три».

Иллюстрация: Mila Grabowski / Медиазона

«Женщины воровали по кусочку хлеба на работу». Голод

Вспоминая ИК-2, женщины, с которыми разговаривал «Женский срок», особое внимание уделяли голоду. Это чувство, которое не покидает вас на протяжении всего заключения, говорят они в один голос.

Лилия рассказывала, что ей приходилось воровать хлеб из столовой. Заключенные незаметно прятали хлеб под одежду, а если сотрудники колонии замечали воровство, то составляли рапорт о нарушении.
По словам Лилии, «воровкам» раньше полагались изощренно жестокие наказания, например, их заставляли съесть перед другими заключенными несколько буханок хлеба, при этом запивать водой было нельзя. Алена видела, как женщин избивают за кражу еды из столовой.

«Был такой у нас оперуполномоченный в колонии, Магомед, за кусок хлеба он просто сломал заключенной ногу. Стал ее пинать, она была женщина в возрасте, естественно, ее вывезли на больницу, загипсовали. В причине сломанной ноги она написала, что "поскользнулась и упала на льду"».

По словам Дарьи, качество еды в столовой отвратительное. Кроме столовой, заключенные могут отовариться в ларьке при колонии. Там часто

появлялись излишки продукции, произведенной в той же ИК-2 на продажу, — продукты, которые не удалось реализовать, часто уже испорченные.

Еще одна героиня «Женского срока», Алла, рассказывала, что заключенные покупали и эту просроченную еду, потому что голод был слишком силен. Некоторые женщины во время хозработ собирали на помойке хлебные крошки или объедки.

В то же время, по словам бывших заключенных, у активистов, которые сотрудничают с администрацией, холодильники были забиты едой. Дневальные и бригадиры могут получать по 30 тысяч рублей в месяц, а зарплата рядовых осужденных на производстве — 300 рублей.

«Включала громко музыку, чтобы другие осужденные не слышали, как ты орешь». Экспериментальная колония

Собеседницы «Женского срока» вспоминают, что когда на должности начальника ИК-2 Вячеслава Кимяева сменила Елена Кулаева, насилия стало меньше, а дикие ночные переработки прекратились. Но это продлилось недолго: на место Кулаевой скоро пришел Вячеслав Кимяев. К тому же, по словам бывших осужденных, Кулаева и сама могла дать пощечину или пнуть женщину.

Героини подкаста говорят об ИК-2 как об «экспериментальной» колонии, где любое насилие останется безнаказанным. Ирина рассказывает, что

одна из сотрудниц по фамилии Кузнецова любила отводить заключенных в свой кабинет и там избивать; предугадать, кого и когда она выберет, было невозможно. Однажды Кузнецова выбрала Ирину:

«Она заводила в свой кабинет, включала громко музыку, чтобы другие осужденные не слышали, как ты орешь, и избивала. У нее была круглая такая палка, как черенок от лопаты. Ставила тебя лицом к стене, твои руки на стену и начинала избивать. Била несколько раз меня головой об стену. Прямо подходила, брала за волосы и вот головой, знаете, как мячик — бум-бум-бум — долбила. Я не помню, чтобы какая-то из сотрудниц проявила хоть какую-то снисходительность, жалость. В основном это садистки, как маньячки они себя ведут и им, видимо, в радость и удовольствие такие издевательства. Я не могу из всех сотрудниц ни одну назвать, которая бы относилась адекватно, которая бы не била, не избивала, не издевалась».

Дарья говорит, что в ИК-2 из всех форм насилия на первом месте стоят избиения. Вторая по жестокости, по ее мнению, пытка — это холод: у заключенной забирают все вещи и раздетую отправляют зимой на улицу. Некоторые пытки, которые описала Дарья, сложно себе представить: женщин заставляли рыть себе могилы и, стоя неподвижно на жаре, по несколько часов кряду терпеть укусы насекомых.

«Помню, могилу копали. Однажды меня подвели к такой яме, я увидела, что там девчонки сидят. Сотрудники просто курили туда, на них кидали окурки. Обзывали их всяко, в туалет не пускали, кушать тоже не пускали. Могила два с лишним

метров в глубину, они ее выкапывали, и их туда закидывали. Пытки насекомыми есть. В жаркое время года раздевали женщин, чтобы руки, ноги были оголенные. Руки вытягиваешь и стоишь так часами, если руки опускаешь, то по рукам будут бить. Жара, тела потные, вас съедает мошкара, комары. И нельзя ни чесаться, нельзя ни хлопать. Нельзя, потому что руки должны быть выкинуты».

Героини «Женского срока» упоминали и сексуализированное насилие. В большинстве своем начальники женских колоний и их заместители — мужчины. Обычно бывшие осужденные отказываются обсуждать эту тему. Под запись с «Женским сроком» о сексуализированном насилии согласились говорить только Дарья и Лилия. Сами они не подвергалась сексуализированному насилию, но слышали о нем от других заключенных.

По словам обеих бывших заключенных, изнасилования в ИК-2 происходили на МТФ — молочно-товарной ферме. Лилия рассказывает, что насиловал женщин начальник этого предприятия:

«Помимо промзоны у нас еще существовала МТФ. Там было, наверное, девчонок пять-шесть, которые выходили за пределы зоны. Утром их забирали с подъемом, а приезжали они с отбоем. Они работали на этой ферме, за быками и коровами ухаживали. Я не могу сказать фамилию директора МТФ, но один раз я его увидела. Мужик под два метра ростом, веса килограмм под двести. Такой вот здоровый, жирная свинья, который постоянно лупил и избивал этих девочек, насиловал. Лично мне рассказывали девчонки, как их насиловали. Бывало такое, что они

с утра встают на плацу и говорят: "Хотите в ШИЗО закрывайте, мы не пойдем с ним". Они боялись, потому что он их избивал, он их там убивал. Те, кто соглашались с ним спать, жили там более-менее нормально, получали какие-то поблажки. Он их не трогал. Кто отказывался — были постоянно избитые, жестоко причем избитые».

Дарья подтвердила, что и по ее сведениям, на ферме регулярно происходили изнасилования. За то время, что она провела в колонии, заключенные несколько раз пытались бежать с МТФ:

«Когда уже девчонки не выдержали то, что их насилуют, они просто сбежали. Затем их поймали. Уголовное дело о побеге, естественно, не заводили, потому что тогда они бы рассказали о том, что их насилуют, понимаете?».

«Порезала вены, отвернулась к стенке». ШИЗО и смерть

В штрафной изолятор, по рассказам бывших заключенных ИК-2, могут отправить за что угодно — не успевает отшивать норму, застегнута не на все пуговицы, не поздоровалась, нашли зажигалку в кармане. Если осужденных-мужчин отправляют в ШИЗО в их обычной форме, то женщин переодевают в специальное «платье» — длинную льняную сорочку. В таком «платье» еще холоднее, чем в форме, а согреться в изоляторе невозможно.

Дарья большую часть своего срока провела в ШИЗО.

Согласно УИК, в ШИЗО нельзя водворять больше, чем на 15 суток, но в ИК-2 женщин «ставят на матрас». После 15 суток в изоляторе осужденной выдают ее матрас — это обычная процедура при возвращении в отряд. Но матрас сразу же забирают. Этот ритуал означает, что заключенная отсидела положенные 15 суток в ШИЗО и ее закрывают на новые 15 суток по очередному рапорту о «нарушении».

Все собеседницы «Женского срока» подтверждают, что избиения в ШИЗО были ежедневными. Вот что рассказывает Дарья:

«Выходили из камеры, надо было загибаться ласточкой и пролазить через дубинку. Сотрудники глумились, они устанавливали дубинку как можно ниже. Конечно же эту дубинку ты задеваешь, а они начинают метелить. Если говорить пофамильно, кто этим занимался, то начиная от начальника колонии и заканчивая младшими инспекторами. Можно сразу список выложить всех сотрудников».

В таких условиях организм не выдерживает: женщины болеют, кто-то теряет сознание — в том числе, от голода. По словам Дарьи, каждый день в ШИЗО приходила врач, но все, что единственным лекарством, которое она могла предложить, был аспирин.

Все бывшие осужденные, с которыми поговорил «Женский срок», в один голос сказали, что в ИК-2 ШИЗО считается самым страшным местом. Даже на СУС[4] и в ПКТ[5] женщинам легче: там можно

читать книги, переписываться, курить, общаться друг с другом.

Оказавшись в ШИЗО, одна из героинь подкаста Алена вскрыла вены, потому что не видела другого выхода:

«Я думаю, сейчас меня закроют в ШИЗО и будут бить. Либо, не знаю, меня там заморозят с холода. Я предполагала всяческие варианты, знала, что от меня не отстанут. Привели меня в ШИЗО, и я решила вскрыть вены, потому что я не могла допустить, чтобы меня била администрация. После этого такое состояние безысходности. Ты не можешь ничего сделать в ответ, хотя она такая же женщина, как ты. Ты просто осужденная, а она на стороне власти. Над тобой всячески глумятся, обзывают, унижают. Я пронесла с собой лезвие и, зайдя в камеру ШИЗО, вскрыла себе вены. Села в углу в камере на пол рядом с батареей, порезала вены, отвернулась к стенке. Я задумалась о том, что если умру, значит так суждено богу. Нет, значит, я выживу. Помолилась богу: "Боженька, пускай все будет на твое усмотрение". Вскрыла центральную вену, вытекло очень много крови».

Алена выжила, ее отправили в ближайшую больницу ФСИН. Скольких женщин в подобной ситуации спасти не удалось, неизвестно.

Дарья рассказывает о семи таких случаях в ИК-2. «Женский срок» и «Медиазона» не смогли подтвердить эту информацию, но несколько фамилий из списка предполагаемых самоубийц называли и другие героини подкаста. Заключенные либо вскрывают вены, либо вешаются на колготках и косынках. Кроме самоубийств, женщины в колонии умирают и от «естественных» причин. Дарья объясняет, почему доказать причастность администрации к гибели заключенных практически невозможно:

«К каждому эпизоду не привяжешь прямое убийство. Сегодня тебя отметелили и отправляют в лечебное учреждение ЛПУ-21, на следующий день ты умрешь. А там договорятся. Ведь в больнице видели, что тело все в синяках, все избитое. Но "по состоянию здоровья" это тело списывали. Доведение до самоубийства это ведь тоже убийство. Их ведь сначала били, а потом они покончили с собой. Или вот неоказание медицинской помощи. Инсулин не дадут или плохо человеку стало, а в санчасть не отпускают — упала, умерла. Я знала девчонок вичевых, у которых иммунка вообще падала. Им посрать было, понимаете? Они заставляли до посинения их работать, до смерти. И все тела потом списывали "по состоянию здоровья". Угроза убийством от сотрудников это вообще бесконечно тема была: "Завалим да убьем, да закопаем". Колония вообще вся там в крови просто, понимаете. Был период в 2004 году, пришел костяк этот: Поршин, Рыжов[6] и Кимяев. Они за это время и разогнались, чего они только не творили в этой колонии».

Дом матери и ребенка. Один памперс на сутки

ИК-2 в Явасе — одна из немногих женских колоний России, где есть Дом матери и ребенка, ДМР.

Там содержат детей заключенных, пока им не исполнится четыре года; позже, согласно УИК, дети считаются уже достаточно большими, чтобы пережить разлуку с матерью, и их передают родственникам или в детдома.

По словам Лилии, матери воспитанников ДМР все равно не могут заниматься своими детьми — из-за того, что все время работают на швейном производстве. Собеседницы «Женского срока» запомнили, что только пяти осужденным в ИК-2 было разрешено жить вместе со своими детьми в ДМР, они же должны были приглядывать за остальными детьми. Матерей, которые живут в отряде, отпускали к детям на один час в сутки после работы по будням и на два часа утром — по выходным.

Все это — только при условии, что бригада, в которой работает мать, выполнила дневной план.

Героини подкаста во время заключения не имели своих детей, но слышали об условиях в ДМР от заключенных-матерей. Кроме того, осужденных из хозотряда часто отправляли туда убираться. В их числе была и Лилия. Вот как она описывает это место:

«Помещение, комната, голые полы, стоит посередине манеж большой, в который сажают этих деток маленьких. Дети начинают между собой кусаться и драться. Дети начинают отрывать плинтуса, потому что надо же чем-то играть, как-то развиваться. Мамочка приходит вечером, у нее три-четыре месяца ребенку, надо попу помыть, перепеленать, нет даже столиков. Они садятся на пол, кладут ребенка и переодевают в памперс. А памперс ребенку дают один на сутки. У детей все попы красные, все в раздражении. Хорошо, если у этой мамочки есть родственники, которые с воли присылали памперсы, одежду. А если у тебя никого нет, то все — просто один памперс на сутки. Как? Как это? Это ужасно. Игрушек там вообще для детей нет, есть игрушки

для комиссии. Когда приезжают проверяющие, эти игрушки выкладываются на пол, чтобы "посмотрите, как все хорошо, у наших деток есть игрушки". Только комиссия выходит за ворота, все эти игрушки сразу собирают и уносят. Дети голодные, они ходят, собирают крошечки с пола, тянут их в рот, потому что хотят кушать. Мамочкам не разрешается ничего приносить детям. Вот она отработала, идет к своему ребенку, она даже не может какую-то конфетку там, яблочко, еще что-то взять и принести. Они заходят в дежурную часть, их обыскивают, не дай бог она что-то пытается пронести, все, сразу же рапорт. И девчонки, вот эти бедные мамочки, по-другому это просто не сказать, они пытались изловчиться, чтобы спрятать это яблочко, эту конфетку, это печенье, чтобы протащить своему ребенку в ДМР».

«Кто-то боится ШИЗО, кто-то боится быть избитым». Почему информация о насилии в колонии не выходит за пределы колонии

Информация о систематическом насилии не выходит за пределы колонии. С первого дня в ИК-2 женщины видят, что унижение и насилие здесь — норма, а попытка отстоять свои права и достоинство может стоить им жизни. Дарья описывает психологическое состояние осужденных:

«Все уставшие, замученные, потому что в колонии царил беспредел. Работали, не отдыхая. Промзона, затем в отряд придут, надо помыться, покушать. Но даже в отряде постоянный напряг. Представьте, там шесть толчков и сто с лишним человек, все должны успеть сходить в туалет, свои дела сделать и так далее. Там издевательства были такие, что я даже не знаю, как об этом говорить. Чтобы заключенные не расслаблялись, сотрудники посылают их на хозработы. То есть ты пришел с работы, работал и снова должен идти на работу — таскать бревна на себе, таскать мешки с мукой. Если снег выпал, заставляли щеткой зубной чистить плац, чтобы плац зимой был как летом. И таким образом уже к вечеру девчата выматывались по полной».

Теоретически, попросить о помощи можно, позвонив родственникам. Но, как говорят героини «Женского срока», в ИК-2 очередь на звонки — длинная: ждать приходится больше месяца, а поговорить получается три-четыре минуты.

При этом разговор слушает начальник отряда. Поэтому, дождавшись своей очереди, осужденные говорят с родными об их здоровье или на отвлеченные темы. По словам Алены, если начать рассказывать о происходящем в ИК-2 даже намеками, звонок моментально прервется, а через месяц осужденную заставят позвонить домой снова и сказать, что в колонии все хорошо.

Лилия рассказала «Женскому сроку» о заключенной, которая в разговоре с родственниками обмолвилась, что ей нужна посылка, потому что в колонии ее не кормят и платят копейки. На следующий день

«бугры» увели женщину в каптерку на швейном производстве, избили, а потом затолкали ей в рот туалетный ершик и объявили другим осужденным, что «теперь она униженная и опущенная, с ней нельзя садиться рядом, пить чай или есть».

Переписка во всех учреждениях ФСИН цензурируется, а на редких свиданиях с родственниками всегда присутствует одна из сотрудниц.

Вот как молчание женщин объясняет Алена:

«Другие заключенные никогда не идут на конфликт с администрацией, они, как говорится, тихо в курилке между собой обсудят. Я им говорю: "А что вы молчите"? Ну скажите, как оно есть на самом деле? Нет, люди просто боятся. Они боятся за свои блага, за свои пошитые костюмы форменные, свои вольные футболки, свою обувь. А кто-то боится заказных рапортов, кто-то боится ШИЗО, кто-то боится быть избитым. Заключенные в колонии молчат. Никто не хочет идти против себя, не хотят искать себе проблем на голову. Просто хотят тихо-спокойно досидеть — и будь что будет. Без разницы, как сидеть».

Если передать информацию за пределы колонии невозможно, то остается последний вариант — поделиться ею с проверяющими из ФСИН, ОНК или СПЧ. Но подобные визиты, говорят собеседницы «Женского срока» — скорее формальность. Когда в ИК-2 бывают делегации из УФСИН по Мордовии, заключенных даже не выводят с промзоны: «проверяющие» приезжают выпить и поесть.

По словам Лилии, единственное, что волнует администрацию перед проверкой — это чистота. Летом заключенных заставляют мыть плац щетками, зимой — убирать снег и лед, чтобы было видно асфальт. Вот что рассказывает Лилия:

«Когда заезжала проверка, людей, которые пытались жаловаться, прятали отдельно. Их уводили в библиотеку, с ними сидели сотрудники, не выпуская. Все остальные молча сидели, опустив головы. Один раз приехала какая-то комиссия. Нас всех построили и сказали, что если есть вопросы, то к ним можно прийти в кабинеты оперчасти и спецчасти. Все, кто хотел, ринулись к дежурной части. Но при входе стояли наши местные сотрудники и никого туда не пускали. К нам приезжала "Русь сидящая" с концертом. После концерта они сказали, что к ним можно подходить с любыми вопросами. Естественно, никого сотрудники колонии к ним не подпустили. А те, кто смогли каким-то образом подойти, взяли визитки "Руси сидящей", надеялись на бесплатного адвоката. После этого сразу же мусора отнимали все эти визитки».

Наконец, последний шанс связаться с внешним миром — попасть в одно из лечебных учреждений ФСИН. Раньше осужденных из Яваса отвозили в ЛПУ-21, сейчас в ЛИУ-3 — оба находятся в соседнем поселке Барашево. Именно из ЛИУ-3 Мария Украинец смогла передать свою записку о пытках.

От бывших заключенных ИК-2 «Женский срок» узнал, что она не в первый раз пыталась вскрыть себе вены. До сих пор никто не знает, что с ней.

Единственное, что мы удалось выяснить подкасту — 8 марта сестра Марии получила от нее открытку.

Лилия освободилась из колонии совсем недавно. В самой ИК-2 она с Украинец не встречалась, потому что Марию постоянно держали на СУС. Однако Лилия успела познакомится с ней в больнице в Барашево.

«Я приехала, у меня ничего не было, даже сигарет. И вот Машке пришла посылка, и она просто берет и складывает в пакетик конфет, печенья, пару пачек сигарет и приносит мне. У нее самой ничего нет, а она несет мне, делится. Она это делает не за что-то, а от души. Я имела возможность поговорить с ней десять-пятнадцать минут. Машка только об одном просила: "Пожалуйста, помогите мне, помогите мне, чтобы меня вывезли".

Она находится в таком состоянии, это невозможно передать. Ее там в этом СУСе настолько затравили, загнобили. Я думаю, что даже когда она освободится, там нужно не один год работать с психологом, потому что это покалеченная судьба. Что она пережила, одному богу известно. Я очень прошу, умоляю, если есть возможность, пожалуйста, помогите. Я знаю, что Маша, ведь она боролась, каким-то образом умудрилась передать эту записку, и теперь к ней никого не пускают. Я представляю, что с ней делают, как ее там сейчас избивают, гнобят и Кимяев, и все его приближенные люди».

Редактор: Дмитрий Ткачев

Embedded content is unavailable in PDF

Вы можете послушать аудиоверсию этого материала на удобной для вас подкаст-платформе. За анонсами новых выпусков «Женского срока» можно следить в телеграм-канале проекта.

1. Подробнее эту историю можно услышать в подкасте «Женский срок».
2. Бригадиры и другие заключенные-активисты, которые сотрудничают с администрацией.
3. Запретная зона рядом с забором. По словам Лилии, администрация устроила там огород и заставляла осужденных ухаживать за посадками.
4. Строгие условия содержания.
5. Помещение камерного типа.
6. Сергей Рыжов, один из бывших руководителей ИК-2.